

ПОВЕРЬЕ И БЫЛИЧКА КАК ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В последние годы в отечественной гуманитарной науке неоднократно обсуждался вопрос о жанровой природе фольклорных текстов, репрезентирующих мифологическую информацию (Виноградова 1988; Разумова 1993; Агапкина 1993; Санникова 1994 и др.). Среди разнообразных песенных, прозаических и паремийных жанров исследователи единодушно выделяют поверье и быличку, для которых рассматриваемая функция является главной. И если феноменология этих жанров на сегодняшний день изучена неплохо, их смысловые и формальные «взаимоотношения», возникающие в момент беседы информанта с собирателем (или другим информантом), практически не становились предметом научной рефлексии. Между тем активно практикуемая ныне форма фиксации фольклора в виде пространных интервью (полилогов), представляющих собой разнообразные гипертекстовые системы, формирующиеся на основе тематических и формальных единств (Дианова 2002; Иванова 2003), позволяют взглянуть на материал под иным углом зрения. В конкретном коммуникативном акте поверья и былички оказываются многократно соотнесенными друг с другом¹. При этом трансформации, происходящие с текстами, задаются, с одной стороны, их жанровым «потенциалом», с другой – их парадигматическими связями в рамках пространного полилога. Настоящая статья представляет собой попытку сопоставления означенных жанров путем совмещения двух аспектов анализа – феноменологического и коммуникативного.

Дифференциальные признаки, разграничивающие поверье и быличку, могут быть представлены в виде антитетических пар: *простой / сложный, первичный / вторичный, бессюжетный (паремийный) / сюжетный (нарративный), объективный (по форме изложения) / субъективный, эмоционально не окрашенный / эмоционально окрашенный* и др. Подобные «противостояния» продиктованы тем, что у них разные жанровые стратегии: поверья выполняют функцию общепринятых в народе нормативных установок, законов, правил и прецедентов, многократно проверенных на практике; былички же являют собой рассказы о частном случае из жизни социума или отдельного человека, призванном подтвердить их истинность, ср.: *«Был у нас случай. У нас мальчик*

¹ Ср. «Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» (Бахтин 1979, 247).

учился в классе во втором или в третьем. Мати-то его в избе пол скребла. Она ему все говорила: “Не бегай! Дай поскрести!” А он все бегал. Она его веником огрела да: “Понеси тебя леший, дьявол!” – сказала. Вечер – и ребенка нет и нет. Его взялись искать. Искали. Неделью не было. Так вот ходили в церковь, отслужили молебен – ребеночек-то оказался на крыше дома за кожухом, держится двумя руками. “Коля, где ты был?” – “Да дедко какой-то все меня таскал под пазухой. Через реку тащил – у меня ноги смокли”. Грешно, значит, матерям ругать ребенка²» (ВФМ № 81).

Таким образом, в коммуникативном акте содержательные планы поверья и былички оказываются соотнесенными по принципу общий / частный случай. Именно этими установками можно объяснить, почему поверье, как и пословица, тяготеет к обобщению, объективации, лаконизму и категоричности суждения. Это достигается посредством использования глаголов несовершенного вида в настоящем времени («Соседко в доме есть, ходит он. Его не освещают» – ВФМ № 40; «Дедушка-соседушка не к добру давит. Выглядит как мужик. Он манит тоже» – ВФМ № 36; ср. с пословицами типа «Цыплят по осени считают») и формой изложения от 3 л. мн. ч. («Люди вот говорят, что все это из-за того, что домового не уважили: хлеб-соль ему не поднесли, он и разобиделся» (ВФМ № 38); «Говорят, не в хорошую минуту такую сказать можно – и скотину, и человека вот может унести» (ВФМ № 83). Даже если глагол *говорят* (именно он указывает на общепринятость суждения) эксплицитно не выражен в тексте, он подразумевается, т.е. присутствует в нем в имплицитной форме.

Если поверье избегает конкретности хронотопа и субъективности изложения, быличка напротив привязывает события к конкретным людям, месту и времени (об этом обычно сообщается в начале повествования): «У нас бабушку прокляли» (ВФМ № 87); «У нас в деревне было это» (ВФМ № 83); «У нас в старое время было» (ВФМ № 15) и т.п. Для нее наиболее типичной формой изложения является повествование от 1 л. ед. ч. (в данном случае грамматическая форма служит дополнительным аргументом в пользу подлинности событий и делает изложение эмоционально окрашенным, взволнованным). По этой причине для мифологических рассказов следует признать характерной смену точек зрения на сообщаемые факты³ и переход изложения от косвенной речи к прямой: «Выезжали на мельницу часов в двенадцать ночи, чтобы пораньше поспеть. Вот дед мой поехал, а лошадь не идет. Он лешакнулся – и тут шиликуны: шапки востры, с ногайками едут, свистят. “И чуть, – говорит, – меня не

² Здесь и далее тексты поверий, перемежающиеся быличками, выделяются подчеркиванием.

³ О роли точки зрения в композиции произведения см. (Успенский 1995).

по голове ногойкой-то. Увернулся, дак меня за волос задело. Чуть у меня воз не раздябнули. Потом на мельницу привез все, потом домой поехал”. А у него новина шелкова: черти всю новину шелком выткали» (ВФМ № 175).

В человеческой памяти «фоновая» мифологическая информация хранится в виде «ментальных матриц» (Неклюдов 1995), каждая из которых в конкретных коммуникативных актах может быть представлена в свернутом (редуцированном) и развернутом (амплифицированном) видах. В первом случае она принимает вид паремии (=поверье), во втором – нарратива (=быличка). Это позволяет анализировать систему поверий как каталог мотивов и сюжетов мифологических рассказов.

В пространных интервью жанр поверья может быть представлен не одним текстом, а целой серией. В подобные «пучки» (или цепи), как правило, собираются поверья, посвященные одному мифологическому персонажу, ср.: *«В доме дедушка-земляной живет и дедушка-домовой. // Кабы нас не охранял дедушка-домовой, что бы с нами было? // Едешь в дом новый, дедушку-домового с собой зовешь: “Дедушка-домовой, поедем с нами!” // Срубил дом, комнату отделал, домового попросить надо: “Дедушка-атаманушка, бабушка-атаманушка, пустите на подворьице”. И во все стороны поклониться надо» (МП № 2); «Соседко в доме есть. // Ходит он. // Его не освещают» (ВФМ № 40); «В бане сидел ране банник. // Ночью нельзя в бане мыться одному и ходить туда» (ВФМ № 48); «У нас, говорят, возле реки Луза есть Черная яма. На ней рыбу бородили. И все говорили, что нечистая сила там живет. // Придет кто, бывало, ночью в двенадцать часов, так и видит ее – сидит такая вроде как женщина. Сидит и черным гребнем черные волосы расчесывает» (ВФМ № 56); «Хозяин. Лешаком зовут. // Его везде поминают, вот он и перестал показываться. Они притворяются. Они сделаются как человек. // Раньше вот видишь – Рождество бывало. Дак в Рождество знаешь, как черти на пляску ходили!» (ВФМ № 159). Их последовательность зависит от объема сообщаемой мифологической информации, ср.:*

1

2

3

«Лесной действительно есть. // Он и людей водит. // Он может и человеком показаться и скотиной (если скотина разговаривает, то, значит, это лесной)» (ВФМ № 108).

В содержательном плане в приведенной цепи поверий первое – наиболее обобщенное (поэтому оно и занимает начальную позицию). В нем в латентной форме присутствуют все остальные, указывающие на конкретные признаки и действия лешего (точно так же построены и ранее процитированные цепочки). Возможное число

поверий, которые могут быть одномоментно озвучены, ограничено для каждой локальной культурной традиции, а порядок их следования может быть организован по принципу

А) простого нанизывания: $P1 \rightarrow (P2 + P3 + \dots)$ (в этом случае поверья с легкостью могут меняться местами и опускаться)

или

Б) кумуляции: $P1 \rightarrow (P2 \rightarrow P3 \rightarrow \dots)$.

В кумулятивных цепочках поверья связываются причинно-следственными связями, поэтому композиция их носит достаточно устойчивый характер. В сюжетном плане они напоминают нарратив и в качестве такового нередко попадают на страницы фольклорных сборников, ср.: *«В байне обдерихи живут. Их всегда двое. В двенадцать часов дня и ночи не ходи в байну: задерут. <...> Идешь в баню, попроситься надо: “Хозяин, хозяйюшка, пустите помыться, попариться на здоровьице”. В самой байне говорят: “Спаси, Господи, на парной на баенке”. Намылся. Как выйти? Спиной из бани выходит надо. Когда уходишь, скажи: “Тебе на стоянье, а нам на здоровье”. Обдерихи волосаты, только в бане покажутся собакой или кошкой»* (МП № 41). Жанровая идентификация подобных текстов должна проводиться с учетом признаков *общий / частный, объективный / субъективный* (именно они выводят тексты, подобные процитированному, за жанровые рамки былички).

Итак, содержание поверья и былички взаимоувязано: вектор развития основных событий в нарративе, их интерпретация и оценка задаются именно поверьем (последнее выступает по отношению к быличке как первичный, исходный текст, своего рода «сюжетный трамплин»: «Расширение текста достигается в этом случае за счет развертывания отдельных элементов соответствующих формул. <...> Формула не только организует текст предания, но и является как бы точкой отталкивания» [Агапкина 1993, 154-155]), ср.: *«Вот когда сядут есть за стол – и вдруг валенки, лапти, сапоги – все летит на стол с печки. Сушить вот кладут обувь. Летит все на стол. Иной раз даже в суп прилетит, в чашку. А вот никто не видел и не знает. Все говорят, в доме кикимора. <...> Филипп Максимович только ярый мужик, его, видно, не любила ли чё. Вот он сядет есть, в первую очередь он больно над детьми издевался: никогда за стол не сядет вместе есть ребят. Вот поест, чё останется на столе, тем и кормит ребят-то (как бы огрызками). И вот кикимора его, видно не любила, этого хозяина. Он только садится – и раз! – по башке то сапог, то валенок к ему подлетит. Вот он заматюгается: опять лешего поднял. Кикимору ругает. Проклинал, ругает.*

Ребята тут сидят. Потом ребят проклинал. Дак ведь так ни одного ребенка у него в живых не осталось. Всех проклял. Одну переломило в лесу дочерь, двух в войну убило сыновей» (ВФМ № 45).

Поверье словно растворяется в быличке: оно занимает в ее сюжете ключевые позиции, формируя «сюжетный каркас» (по этой причине качественных подвижек в объеме сообщаемой мифологической информации при переходе поверья в быличку обыкновенно не происходит). При этом поверье осуществляет еще и «жанровую коррекцию», лишая исполнителя возможности перевести сюжет в иную жанровую плоскость – сказку или бывальщину. Приведу только один пример подобного «подтягивания» повествования под жанр мифологического рассказа посредством поверья: *«Мы в лес с жёнками по ягоды ходили и слышали, как лешачихи поют песни свадебны. [А почему Вы думаете, что это лешачихи пели, а не такие же жёнки, как вы, собирающие грибы или ягоды?] Дак кто в лесу окромя их петь станет? Нет. Это лешачихи были»* (ЛАИ 1992, II, 16).

Выше уже отмечалось, что для каждой локальной культурной традиции набор поверий о каждом мифологическом персонаже ограничен и общеизвестен, вследствие чего в ситуации автокоммуникации, когда адресант и адресат включены в одну систему мифологических знаний, т.е. образуют систему «Я – Я»⁴ (а не «Я – ОН»), в озвучивании верования в форме поверий-паремий нет необходимости. При беседе же с неофитами, т.е. людьми, не приобщенными к традиции (а собиратели, дети, приезжие относятся как раз к таковым), такая необходимость возникает: во время полевой записи былички обыкновенно предваряются (реже завершаются) поверьями (*«Мы с девушкой идем. Еще светло. Я пугаю ее. Пустую избушку видим. Я подбегаю, вижу – Василиса стоит в синяке да и в белой рубахе и пальцем мне грозит. А Василису схоронили в прошлом году! Маменька сказала: “Пугаться будете, покажется”. Когда человек помрет, вот душа и ходит»* – ВФМ № 142).

В ситуации автокоммуникации подобные редукции допускаются и в нарративах, ср.:

«Я – Я»	«Я – ОН»
---------	----------

⁴ Чтобы сообщение было воспринято с абсолютной точностью, нужно чтобы адресант и адресат пользовались идентичными кодами, т.е. в семиотическом плане представляли как бы удвоенную личность (подробнее об этом см. в [Лотман 1999]).

<p><i>Меня сѣдни батаманушко давил тяжело. (АКФ 1992, XV, 242)⁵</i></p>	<p><i><u>Батаман в подполье живет, не в доме.</u> Батаман меня давил. Мальчик на меня улегся. Я ему: «К чему ты меня давишь?» - «К добру, к коневьему хвосту». А волосы больно дерет. И муж из Слободского приехал на лошади. (ВФМ № 32)</i></p>
--	--

Подтверждением сказанному относительно причин свертывания текстов могут служить интервью, в которых варианты былички на один и тот же сюжет следуют друг за другом. Как правило, подробная информация обо всех перипетиях случившегося представлена только в первом тексте, последующие же аналогичные случаи передаются более скупо, с купюрами (предполагается, что с опорой на ранее прозвучавший текст они могут быть «достроены» слушателем). Приведу лишь один, достаточно типичной случай подобных записей (они в изобилии представлены в архивах и редко попадают на страницы сборников, так как составители предпочитают печатать пространные, логически выстроенные тексты): *«Я вот как-то его угодила, спросила. Говорю: “К хорошему или к худому?” Жила я в одной комнате. И потом вдруг я вижу сон: вот так и скѣт, и скѣт эдак, когда нитки скут веретешком-то. Слышу я его и спросила: “К хорошему или к худу?” Он как засмеется: “К ху...”. Тогда у нас, кажется, мама умерла. // И потом я еще раз видела соседко. Он мне сказал: “К добру! К добру!” И нам тогда деньги прибавили» (АКФ 2003, II, 70-71).*

Поскольку поверье играет роль трафаретного мифологического сценария, варианты нарративов, записанные от разных лиц, принадлежащих к одной локальной культурной традиции, могут оказаться весьма близкими друг к другу (в том числе и в текстуальном отношении), ср:

А) «Говорят, что, как идешь в лес, на крестах (перекрестках – А.И.) нельзя жечь костер, а то леший покарает, если будешь класть костер. Он, леший-то, вроде как хозяин леса. Вот он и не любит, чтоб его ослушались. А у нас тут был один случай. Охотник рассказывал. Пошел он в лес да костер на крестах разжег. Да так и уснул. А тут как поднялся ветер, аж лес гудит! Да понес охотника. Он еле живой остался. Да так на другое место его опустили» (ВФМ № 98); «А в лесу есть тропы чертовы. Мой

⁵ При ссылке на архив указывается год записи, римской цифрой – номер тетради, арабской – порядковый номер текста в ней.

зять рассказывал. Он охотник был. Ночевали в лесу с товарищем. Надо ночевать. Расклали огонь. Да. И около полуночи ветер страшный задул, что лес чуть не к земле пригибает. И ихний огонь как схватил, как выше леса выбросит головешки. И сказал мне товарищ: “Неладно мы расклали огонь: на чертовой тропе”. Расклали в другом месте. Ночевали – и тут все в порядке. Не знаю, правда ли. Но он врать не станет: мужик серьезный» (ВФМ № 101);

Б) «Отец мамы говорил. Жили они не больно близко, где-то у речки, недалеко от реки-то. Телушку потеряли. “Идет, – говорит, – утром рано дед, и сидит чертовка, – говорит, – гребень так воссияет. Да. А волосы у нее, до чего длинны волосы! – говорит. – Дак и конца я не видел Я, – говорит, – подхожу, она и говорит: “Как ты не вовремя подошел. Хоть бы скашлял!” Дескать, надо было скашлять. И сама, – говорит, – только я ее и видел. Бухнула в воду, – говорит”. Вот было ведь раньше. Всяко было. Это ведь сказки есть про чертей. Это ведь было и на самом-то деле, было ведь. Да и казалось ведь. И млило раньше» (ВФМ № 57); «Ну а русалка. Шел мальчик домой. Идет домой, тихонечко идет, замечтался. Видит – русалка на берегу сидит, голову чешет. Ну, как был гребень золотой. Подошел ближе, а она ему и говорит: “Ты бы хоть скашлял!” И в воду бухнулась. И больше ее не видел» (ВФМ № 58).

Это дает нам право утверждать, что поверье по отношению к быличке выступает в роли не только сюжето-, но и стилеобразующего фактора, формирующего формульную и в особенности неформульную стереотипию (напомню, что в течение длительного времени в научной среде вообще отрицалась возможность постановки такого вопроса для жанров несказочной прозы). Среди наиболее приметных и частотно используемых в мифологических рассказах речевых клише могут быть названы стереотипы *достоверности* («Мне N рассказывала», «Вот со мной случай был» и т.п.), *пространственно-временные* («В N было дело»), *поведенческие* (давит домовой, расчесывается русалка), *речевые* (отгонные, призывные, хулительные, просительные и прочие формулы типа: «Чур, полно! Чур, перестань!», «Понеси тебя N!», «N, пусть переночевать (помыться-попариться и т.д.)», «А! Догадались!», др.).

До сих пор, соотнося поверье и быличку, мы делали акцент на их принципиальных расхождениях (по таксономической шкале дифференциальных признаков такие тексты неизбежно оказываются на двух ее крайних полюсах). Между тем в коммуникативных ситуациях, где в качестве адресата выступает неопит, регулярно порождаются тексты «промежуточного» характера, совмещающие свойства обоих жанров, ср.: «Трое нас было: один парень и две девки. Чтоб лишний был человек,

а то не покажется. Я сходила к колоде за водой, свеженькой воды в стакане принесла. И нужно взад-пятки сходить. Ну и вот. Принесла эту воду. И надо обручальное кольцо. Откроешь вьюшки в кожухе, чтобы бес выскакивал. В печке на шестке поставишь блюдце. Тут несешь ситечком золу, чтобы было чисто, никакой порошинки не было, возьмешь из головы волос, и на этом волосе спустишь кольцо в воду: “Вот если есть у меня какой суженый-ряженый, значит, покажется!” И что вы думаете? Вот так сидишь. И вдруг вода возмутится и покажется человек. Это истинная правда. Я сама делала. И скажешь: “Чур, полно! Чур, перестань!” Зачуркаешь Встряхнешь колечко, и быстро все убирается. Это уже показывается, когда последний год ты в девушках сидишь, перед замужеством. Одни. А двое своят в сторонке. А парень никого не высмотрел: молоденький. А мы высмотрели. И точно такое обличье выходит. Это надо только в полночь, до двенадцати, а дальше ничего не покажется: дак там уж петух споет, и черти убираются, у них уже нет силы показываться» (ВФМ № 168). В приведенной быличке поверья не просто комментируют события, а являются органической составной частью сюжета: указывая на то, как надо правильно вести себя в ситуации гадания, рассказчица подразумевает, что ею эти действия в реальности совершались. Подобные апелляции рассказчиков к жанру поверья при изложении былички продиктованы их более высоким «авторитетным статусом»: коллективному (=общепринятому) мнению слушатель доверяет больше, чем мнению отдельного человека.

К «промежуточным» могут быть отнесены и тексты быличек с неразвитой нарративной структурой (по форме они тяготеют к паремиям): «Я изурочена, то и болею» (ЛАИ 2000, III, 195 – ср. с ранее сообщенным поверьем: «Изурочат, дак тяжело болят» – ЛАИ 2000, III, 194).

В заключение отмечу, что анализ текстов поверий и быличек в зоне пересечения их жанровой феноменологии и целевых установок коммуникативной ситуации, в которой они озвучиваются, позволяет исследователю почувствовать живой пульс традиции и точнее очертить границы допустимых жанровых трансформаций.

Условные сокращения:

АКФ – архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ВФМ – Вятский фольклор. Мифология / Сост. А.А. Иванова. Котельнич. 1996.

ЛАИ – личный архив А.А. Ивановой.

МП – Мифология Пинежья / Сост. А.А. Иванова. Карпогоры, 1995.

Литература:

Агапкина 1993 – Агапкина Т.А. «Несказочная проза» и паремия // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., 1993. – С. 152-159.

Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Виноградова 1988 – Виноградова Л.Н. Отражение славянских мифологических представлений в «малых» фольклорных формах // X Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988. – С. 277-288.

Дианова 2002 – Дианова Т.Б. Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002.

Иванова 2003 – Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Мат. IV межд. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». – Петрозаводск, 2003. – С.31-33.

Лотман 1999 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М., 1999.

Неклюдов 1995 – Неклюдов С.Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. – С.77-80.

Разумова 1993 – Разумова И.А. Сказка и быличка. Петрозаводск, 1993.

Санникова 1994 – Санникова О.В. Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. – С. 44-83.

Успенский 1995 – Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. 1995 – С.9-218.